

F. Maclean. – Norwich, 1981. **5. Jakobsen J.** An Etymological dictionary of the Norn language in Shetland / J. Jakobsen. – Lerwick, 1985. **6. Rendboe L.** How «worn out» or «corrupted» was Shetland Norn in the final stage? / L. Rendboe // NOWELE. – 1984. – Vol. 3. – P. 53 – 88. **7. Fenton A.** The northern isles: Orkney and Shetland / A. Fenton. – Edinburgh, 1978. **8. Melchers G.** Is du heard about yun afore? On the use of be as a perfective auxiliary in Shetland dialect / G. Melchers // Stockholm Studies in Modern Philology. New Series. – 1987. – Vol. 8. – P. 56 – 61. **9. Cluness A. T.** The Shetland Isles / A. T. Cluness. – L., 1951. **10. Graham J. J.** The Shetland dictionary / J. J. Graham. – Lerwick, 1984. **11. Melchers G.** Some language attitudes in the Shetland Isles / G. Melchers // Focus on : Scotland. – Amsterdam – Philadelphia, 1985. – P. 87 – 100. **12. Melchers G.** The Norn element in Shetland dialect today – a case of «never accepted» language death / G. Melchers // Tvasprakighet. Umeå : Acta Universitatis Umensis. – 1981. – № 36. – P. 254 – 61.

Формування сучасного шетландського діалекту проходило у процесі інтенсивних скандинаво-шотландських мовних контактів. Цей гібридний острівний варіант шотландської мови, відомого як «скотс» (Scots language), в основному склався до кінця XIX ст. Маючи типову для мови скотс систему, він має велику кількість на всіх рівнях скандинавізмів, а також цікаві новостворення, які можна охарактеризувати як результат гібридизації.

Ключові слова: територіальний варіант, мовні контакти, гібридизація.

Формирование современного шетландского диалекта проходило в процессе интенсивных скандинаво-шотландских языковых контактов. Этот гибридный островной вариант шотландского языка, известного как «скотс» (Scots language), в основном сложился к концу XIX в. Имея типичную для языка скотс систему, он изобилует на всех уровнях скандинавизмами, а также любопытными новообразованиями, которые можно охарактеризовать как результат гибридизации.

Ключевые слова: территориальный вариант, языковые контакты, гибридизация.

The modern dialect of the Shetland Islands resulted from the intensive language contact between local Norn and alien Scots. Shaping of this hybrid insular variety of Scots had been completed by the late XIXth cent. Sharing its system with Scots it is extremely rich in Scandinavian features of all kinds as well as numerous features which can be treated as a result of hybridization.

Keywords: regional variety, language contact, hybridization.

Стаття надійшла до редакції 09.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 616.831-07:313

Е. В. Филатова

СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СИНТАГМА, ИХ СФЕРЫ И ФУНКЦИИ

До настоящего времени, несмотря на довольно длительный период изучения, словосочетание понимается и интерпретируется синтаксистами по-разному. И это не удивляет: учёные ещё не определились даже в количестве и качестве синтаксических единиц, не смогли чётко и последовательно разграничить сферы языка и речи, а значит – единицы языка и единицы речи. Они до сих пор не разобрались, где заканчивается сфера языка как общей для всех носителей кодовой системы обобщённых знаменательных единиц и начинается сфера речи, представляющая собой совершенно иное качество, когда обобщённый языковой материал превращается в конкретные

речевые единицы с конкретным, ситуативным значением. Ситуация вполне очевидна: речь начинается там, где обобщённая единица языка приобретает конкретное, т. е. речевое, значение, передаваемое её конкретной формой.

Можно определённо точно назвать минимальную единицу языка. Но что представляет собой минимальная структурно-смысловая речевая единица и соотносится ли она с какой-либо языковой единицей, ещё не определено лингвистами объективно и убедительно – так, чтобы это стало общепризнанным научным фактом. Одни синтаксисты видят такую единицу в члене предложения, т. е. в синтаксической форме слова, как минимальном структурно-смысловом материале при порождении и организации речи. Другие находят её в словосочетании, полагая, что словосочетания (как форма распространения слова) наряду со словами являются минимальными готовыми строительными компонентами речи. А кто-то в качестве основной речевой единицы называет предложение. Кто же прав?

Проблема словосочетания весьма актуальна для современного синтаксиса. Уже в течение многих десятилетий она вызывает полемику по самым разным вопросам. Существует ли реально вообще такая синтаксическая единица, как словосочетание, или это всего лишь гипотетическая структура, уместная при изучении языка, своего рода интерполяция в системе языковых единиц, точнее сказать, *методический приём*, широко используемый в процессе изучения лингвистической науки? Но если такая единица существует, то каковы её важнейшие признаки? Как установить её статус? Какова её сфера: языковая она или речевая? Или, может быть, одновременно языковая и речевая? В чём её грамматическая природа и смысловая сущность? В чём её назначение и каковы её конкретные функции?

Если это самостоятельная синтаксическая единица языка, то у неё обязательно должна быть речеорганизующая функция. Действительно ли словосочетание представляет собой особый номинативный языковой материал, который, как утверждают многие современные лингвисты и нынешняя господствующая теория словосочетания, наряду со словами используется в качестве готовых единиц для построения предложений?

При изучении языка – причём не только синтаксиса – мы часто обращаемся к словосочетанию, точнее, к сочетаемости слов и объединению их на основе лексического значения и синтаксических средств связи. Например, в **лексикологии**, прибегая к словосочетанию, выясняем конкретное значение слова, когда словосочетание можно определить как *приём*, способствующий уточнению значения многозначного слова. В **морфологии** также имеем дело со словосочетанием, когда говорим об аналитических формах слова. И в этом случае словосочетание предстаёт как *способ* образования структурно особых форм, состоящих из двух и более слов, что характерно для многих языков. В **синтаксисе** на основе словосочетания изучаются сочетательные особенности слов с учётом их смысловой и частеречной сочетаемости, выясняются разновидности их грамматической связи, средства связи, определяются разнообразные синтаксические отношения, возникающие при этом между сочетающимися словами. При этом о словосочетании говорят как о типичном образце, приёме, схеме, на основании которой объединяются слова в синтаксические структуры, но тут же утверждают, что это готовая номинативная единица, которая наряду со словами используется для строительства предложений, не замечая в своих словах никакой путаницы и противоречий. Трудно разобраться в такой логике. С одной стороны, говорится о самых разных возможных сочетаниях слов, построенных по существующим образцам и моделям, с другой же – утверждается, что это «*готовая номинативная единица*». Так что неясно: словосочетание всё-таки – *готовая единица* или *схема, образец, по которым объединяются в более сложные и конкретные смысловые структуры знаменательные слова языка при организации речи*? Одновременно и тем и другим оно не может быть, так как трудно себе представить, что

нечто существует в виде готовой номинативной единицы для построения речи и в то же время это нечто образуется в процессе речи по определённым схемам и образцам. Причём такая позиция характерна как для русского, так и украинского синтаксиса.

Так что, как видим, с одной стороны, словосочетание предстаёт в качестве весьма важной единицы, прежде всего *метаязыковой*, с другой же – оно имеет разное осмысление, разные толкования, вызывая частые дискуссии по многим вопросам. Но если до настоящего времени нет единого осмысления словосочетания, то, естественно, нет и его единого определения. Это свидетельствует о том, что учёные по-разному понимают и толкуют его **сущность и статус, грамматическую природу**, по-разному квалифицируют его **основные и акцидентальные признаки, сферу существования, общее назначение и его конкретные функции**.

Однако, как ни парадоксально при сложившейся ситуации, изучение словосочетания в русской и европейской лингвистической науке имеет, пожалуй, самую длительную историю. Вплоть до XIX века российские языковеды, не разграничивая сферы языка и речи, считали, что именно словосочетание является основной единицей синтаксиса (М. В. Ломоносов, А. А. Барсов и др.). С начала XIX века внимание синтаксистов переключается со словосочетания на предложение (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев и др.). Но к концу XIX века интерес к словосочетанию возрождается. Возможно, этот поворот на 180 градусов связан с тем, что синтаксисты, изучая предложение в качестве самостоятельной и центральной (основной) единицы, столкнулись с объективными трудностями, которые были вызваны ограничением синтаксических исследований рамками предложения. Исследователи полагали, что предложение не просто центральная, самостоятельная, но и самодостаточная синтаксическая единица, каковой оно на самом деле не является. Такое понимание предложения, по сути, привело к тому, что на текст как вполне завершённую во всех отношениях речевую структуру совершенно не обращали внимания, полагая, что текст вообще не является объектом изучения лингвистики, что изучение её исчерпывается предложением. А текст – область риторики.

Предложение по-прежнему считают языковой единицей, не задумываясь над тем, что уже самим фактом своего существования оно указывает на сферу речи. Далеко не всегда все параметры предложения находятся в самом предложении. Нередко некоторые из них находятся за его пределами – в тексте, т.е. в речи. И тогда неизбежно возникает тупиковая ситуация. Именно это и привело к тому, что многие языковеды возвращают словосочетанию статус главной синтаксической единицы.

В настоящее время можно назвать 5 точек зрения на словосочетание. **Первая** принадлежит Фортунатову и его ученикам. По их мнению, в синтаксисе в качестве основной единицы существует словосочетание, а предложение (и даже их группа) – всего лишь разновидность словосочетания, так называемое законченное словосочетание, предикативный его вариант. То есть словосочетание в данной интерпретации – это любое грамматическое и смысловое объединение слов в речи, независимо от того, каков объём и характер этого объединения – такой, который включает простое предложение, любое сложное, целую группу предложений, или такой, который состоит из сочетания двух и более грамматически связанных знаменательных слов. Стало быть, в этом случае даже некоторые тексты – различные парадоксы, анекдоты, афоризмы, пословицы и другие речевые произведения короткого жанра – являются словосочетаниями.

Согласно **второй** точке зрения словосочетание представляет собой грамматически и по смыслу связанные слова в пределах предложения – в виде сочинительной, подчинительной или предикативной связи. Эта точка зрения близка к фортунатовской, но в соответствии с ней словосочетание ограничивается предложением и выступает в качестве его составной структурной и смысловой части. В отдельных случаях оно может совпадать по объёму с предложением, например с

нераспространённым. Эти различия, на наш взгляд, принципиальны и поэтому заставляют выделить данную точку зрения в отдельную научную позицию. Так, например, интерпретировал словосочетание и предложение А. А. Шахматов. Он считал, что проблема словосочетания исчерпывается решением вопроса о второстепенных членах предложения и их связях с главными членами. Поэтому в синтаксисе Шахматова вообще нет раздела, посвящённого словосочетаниям. Он рассматривает их при освещении второстепенных членов предложения. По его мнению, синтаксис словосочетания – это синтаксис второстепенных членов, а исследование главных членов составляет синтаксис предложения. По Шахматову, любой вид синтаксической связи в предложении указывает на соответствующее словосочетание. То есть словосочетания – это синтаксически и содержательно связанные слова в предложении.

Третью точку зрения на словосочетание можно определить как лексикологическую, она принадлежит В. В. Виноградову, его ученикам и последователям (Н. Ю. Шведова, О. Б. Сиротина и др.). Интерпретация словосочетания у В. В. Виноградова, которую он даёт в статье «Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка)» См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – С. 231 – 253) весьма противоречива, непоследовательна и строится на лексикологических принципах. По В. В. Виноградову, словосочетания – это «способы сочетания слов», отражающие «правила сочетаемости слов и форм слов» [2, с. 231], это те грамматические единства, «которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчленённые значения» [Там же]. В рассуждениях Виноградова о словосочетании многие мыслистораживают и вызывают сомнения. Например, утверждение относительно единого значения словосочетания. Как весьма убедительно показал ещё А. А. Барсов, не все словосочетания характеризуются единством значения (номинативностью), на наличие которого как на сущностный признак словосочетания указывает Виноградов. Хотя, безусловно, всем им присуще грамматическое единство и все они образованы на основе синтаксической связи по законам сочетаемости слов.

Весьма неубедительны, на наш взгляд, назначение и функции, которые отводит В. В. Виноградов словосочетаниям: быть номинативным материалом для строительства предложений.

Четвёртая точка зрения (В. А. Белошапкина, Н. А. Гвоздев и др.) отражает промежуточную позицию. Её представители выделяют подчинительные и сочинительные словосочетания. Однако это не мешает представителю этой точки зрения Н. А. Гвоздеву высказать много убедительных критических замечаний относительно виноградовской интерпретации словосочетания.

Пятую точку зрения представляют В. Н. Мигирин, Ю. В. Фоменко и другие учёные, по мнению которых такой самостоятельной синтаксической единицы, как словосочетание, вообще нет. О какой самостоятельной единице можно говорить, резонно замечает В. Н. Мигирин, если одни и те же слова в предложении одновременно входят в разные словосочетания. Слово представлено в предложении один раз, а входит сразу в несколько словосочетаний, т. е. имеет синтаксические связи с несколькими словами, что служит основой для многих курьёзных утверждений. На данный факт обращал внимание и Д. Н. Шмелёв. Этот парадокс заставляет задуматься над тем, уместно ли утверждать, что предложение строится из словосочетаний.

Таким образом, синтаксисты искали словосочетание везде: в системе языка в качестве готовой самостоятельной единицы, соотносимой со словом, в предложении, – а некоторые из них, ещё даже не найдя его, наметили рамки, в которые и пытались его упаковать.

Изучение сочетательных особенностей, способов и приёмов объединения слов в

речи вовсе не означает, что в пределах предложения существуют отдельные самостоятельные синтаксические единицы, именуемые словосочетаниями, и что предложение строится из этих единиц. По отношению к предложению как реальной речевой единице словосочетания исторически вторичны, на что обращал внимание ещё А. А. Шахматов. Сначала существовали язык как арсенал знаменательных единиц и речь, а потом появилась наука о данных единицах. Синтаксически связанные слова стали вычленять из предложения, назвали словосочетаниями и заключили, что именно из них построено предложение. Так что исторически словосочетание как лингвистическая категория вторично по отношению к предложению. А предложения вторичны – по отношению к тем речевым единицам, из сочетания которых оно действительно появилось. Нельзя не согласиться с утверждением акад. Л. В. Щербы, что строится любое предложение из синтагм, и в таком направлении:

синтагмы (как структурно-смысловые речевые единицы) – *предложения* (как предикативные речевые единицы) – *текст* (как завершённая речевая единица).

Словосочетания как синтаксические структуры вообще не принадлежат сфере речи. Сложившееся разнообразие теоретического толкования словосочетания указывает на то, что оно как лингвистическая единица практически не играет существенной роли в общественном функционировании языка, а его научное изучение носит исключительно общетеоретический характер. Это гипотетическая единица с метаязыковой функцией. Именно поэтому и возможно существование таких разных, даже противоречивых его пониманий и толкований.

Существует три уровня лингвистического отражения мира: **лексический** (обобщённый), **синтагматический** (фрагментарный, конкретно отражаемый) и **текстовый** (детально объясняемый). Лексический арсенал языка, представляющий собой первый уровень языковой картины мира, максимально охватывает окружающую действительность, но не абсолютно всю, а лишь актуальную для народа, носителя данного языка, его жизни, адекватную его знаниям, текущей сознательной деятельности и ближайших осознанных перспектив развития. Она представлена в виде словаря языка народа. К ней примыкают также все те случаи, когда формально мы имеем дело не со словом, а с сочетанием нескольких слов, однако такое сочетание лексикализуется, выполняя функцию отдельного слова. Или оно является составным номенклатурным наименованием (типа *анютины глазки*, *білий гриб*, *fish story*, *ein seltener Vogel* и под.).

Синтагматический уровень конкретизирует отражающийся в языке мир. Степень обобщения резко снижается. Мир в этом случае представлен конкретно, но лишь в бесчисленных фрагментах. Именно данным качеством этот уровень отличается от текстового, фрагменты картин которого характеризуются единством, тематической, смысловой, интонационной и структурной завершённостью. Текстовый уровень способствует отражению мира в движении и непрерывном изменении. С точки зрения познания это высший лингвистический уровень, представляющий человеку относительно полные на определённый период развития человечества знания о мире. Данная лингвистическая картина мира представлена в виде совокупности всех текстов каждого языка. Предложение же – промежуточное структурно-содержательное звено между синтагмой и текстом.

Словосочетание и синтагма – единицы перехода от словесной к текстовой картине мира. В связи с этим представляются весьма важными природа, грамматическая сущность, сфера использования и функции этих единиц. На основании этого мы можем чётко установить их реальный статус.

Обращаясь к словосочетаниям как языковым единицам, мы вынуждены отметить, что всех их можно представить в виде четырёх разновидностей. К первой относятся те, которые являются номенклатурными наименованиями реальных предметов, понятий. Они часто являются терминами (*общее языкознание*, *органічна сполука*, *level*

switch, linearer Weggeber и др.). Это наряду со словами объективно существующие в качестве готовых единиц лексические или, точнее, лексикализованные составные номинативные единицы.

Ко второй группе можно отнести также лексикализованные составные структуры: фразеологизмы (*держать камень за пазухой, біла ворона, to be ill at ease, auf der Bärenhaut liegen* и др.). Словосочетания этих двух групп объединяет то, что они эквивалентны слову и в речи действительно не создаются, а используются в качестве готовых единиц. Поэтому их и называют лексикализованными. Подобно слову, они выступают в качестве одного члена предложения. Не случайно они традиционно изучаются в лексикологии, а не в синтаксисе, для которого не представляют никакого интереса.

К третьей разновидности относятся словосочетания, которые являются аналитическими морфологическими структурами, едиными аналитическими формами. В предложении они также выступают в качестве одного члена предложения (*самый интересный, буду читать, must be done, sollst es nicht tun* и др.).

И наконец, четвертая разновидность – собственно синтаксические словосочетания (*интересная книга, найкращі зі студентів, a great deal of, auf den ersten Blick* и др.). Это самая обширная разновидность словосочетаний, можно сказать, потенциально бесчисленная в каждом языке. Именно они, представляя собой возможные метаструктуры в сфере языка, наряду с другими синтаксическими единицами являются объектом изучения синтаксиса. Они и составляют предмет нашего разговора. Именно благодаря им и постигаются каждым носителем конкретного языка национальные особенности сочетания слов, а также синтаксические связи и отношения между словами.

Предложения появляются в процессе речевой деятельности при выражении конкретных результатов мышления. Но реальной минимальной речевой единицей является синтагма, основной признак которой – структурная и смысловая конкретность. Словосочетание в известной степени (при решении метаязыковых задач) можно соотносить с синтагмой, но это разные единицы, относятся они к разным сферам, а главное, у них разные функции: у словосочетания – метаязыковая, у синтагмы – речеорганизующая. Речь не является сферой словосочетания. Чтобы верно определить сферу словосочетания, необходимо установить его природу, сущность и назначение (функцию). Под природой словосочетания понимается его происхождение, частеречная принадлежность входящих в него слов, а также средства связи его компонентов. Под сущностью понимается его основные признаки: грамматическое значение и характер содержания. И наконец, назначение словосочетания предполагает выяснение того, с какой целью оно образовано, где функционирует и чему служит.

Исследуя эти вопросы, мы приходим к выводу, что словосочетание – искусственная, теоретическая, обобщённая метаязыковая единица, предназначенная для изучения особенностей синтаксической связи слов, средств синтаксической связи, выяснению всех возможных видов синтаксических отношений между словами. Всё это нужно для формирования знаний, развития умений и навыков построения в своей речи синтагм как минимальных структурно-смысловых единиц речи (текста). Сфера его функционирования – система языка. Его назначение – способствовать носителям языка в овладении установившихся в языке правил и способов сочетания слов – для дальнейшей успешной речевой деятельности при формировании конкретных синтагм.

Литература

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М. : Наука, 1977. – 248 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Правда, 1975. – 560 с.
3. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – Изд. 3-е. –

М. : Наука, 1968. – Ч. II. – 344 с. **4. Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 7-е. – М. : Наука, 1956. – 511 с. **5. Русская** грамматика. – Т. II : Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с. **6 Шмелёв Д. Н.** Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1976. – 150 с.

Висвітлюється питання про словосполучення та синтагму, їх природу, сутність, сферу функціонування та призначення. Дається критична оцінка науковим поглядам на проблему словосполучення в українській, російській та інших мовах. Набувають подальшого розвитку тези акад. Л. В. Щерби щодо проблеми синтагми.

Ключові слова: мова, мовлення, одиниці мови, одиниці мовлення, словосполучення, синтагма, функції.

Освещается вопрос о природе, сущности и сфере функционирования словосочетания и синтагмы. На материале русского, украинского и некоторых других языков дана критическая оценка существующим точкам зрения на проблему словосочетания. Развиваются мысли акад. Л. В. Щербы о синтагме.

Ключевые слова: язык, речь, единицы языка, единицы речи, словосочетание, синтагма, функции.

The issue of word-combination and syntagma essence, their functioning field and purpose is highlighted. The critical point of view to different scientific opinions on the word-combination problem is presented on examples of Ukrainian, Russian and other languages. Academician Shcherba's ideas about syntagma are developed further.

Keywords: language, speech, language units, speech units, word-combination, syntagma, functions.

Стаття надійшла до редакції 30.10.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Панасенко Н. І.

УДК 811.16:800

Л. М. Цонева

СЛАВЯНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучение языков в аспекте межкультурной коммуникации, понимаемой как взаимодействие носителей разных языков и культур, требует специального внимания к единицам языка, в которых очень ярко проявляется этнолингвистическое (национальная история и культура, национальные мифы, быт народа и т. д.) и экстралингвистическое (прежде всего изменения в социально-экономических условиях жизни). К ним бесспорно относятся собственные имена вообще (СИ) и в частности личные имена (ЛИ).

ЛИ – важнейшее звено, которое связывает людей с их непосредственным окружением и с обществом вообще, поскольку человек живет не просто среди других людей, а также среди имен, создающих вокруг него специфическое национально-культурное пространство [1, с. 145]. Имена, как подчеркивает Р. Якобсон, относятся к первым словам, которые человек усваивает, а также к последним, которые он теряет при афатических расстройствах речи [2, с. 145]. Добавим к этому, что ЛИ можно отнести также к первым словам, которые человек усваивает в иноязычной среде.

Исследование “жизни” ЛИ в межкультурном общении становится все